

Михаил КОСАРЕВ

АЗЬ... БОЧКА... БУКВА

*Об историко-этимологическом словаре Виктора Тена**

Обложка словаря, о котором пойдет речь, как и полагается в научном издании, оформлена минималистически. Белый фон, черные буквы. Но в правом нижнем углу все же содержится цветное изображение. Нечто очевидно деревянное и, казалось бы, совершенно здесь неуместное.

Но уже из первой страницы предисловия мы узнаём, что это так называемый кондар — высокое крыльцо из полубревен, распространенное на русском Севере. А заслужило это сооружение право красоваться на обложке потому, что именно в связи с ним у В. В. Тена «иссякло терпение». Да и вправду сказать, услышать «научное» объяснение происхождения этого слова и не впасть в оторопь невозможно.

На лингвистическом форуме под названием «Всероссийское диалектологическое совещание» ученые мужи предложили следующую этимологию: галерея — галдарея — калдарея — кандарея — кондарея — кондар. При том что «галерея» появилась в России в XVIII веке и была заимствована из голландского языка. Вопрос, почему не рассматривались в качестве отправных точек издавна существующие в русском языке слова, в том числе известное всем прилагательное «кондовый», был проигнорирован. Между тем наличие диалектного, но, что важно, севернорусского слова «конда» со значением «боровая сосна» сразу подводит итог изысканиям. А заодно отвечает на несправедливый вопрос, как именовали такое крыльцо наши предки до судьбоносного контакта с голландцами.

Однако, как выяснил будущий автор словаря, погружаясь в хотя и смежную с его научными интересами, но все же новую отрасль знаний, «изыскатели» во все не так просты! Не только лень и невежество, которые ныне, увы, в академической среде привычны и неудивительны, ими руководят. Главное, что делает их кандидатами и докторами, — верность методу. Приятно работать, осознавая, что у тебя в руках «единственно верное учение». Метод универсален и всемогущ.

Виктор Тен пишет в предисловии:

Был поражен, поняв, что лингвисты, как правило, видят свою задачу в том, чтобы «дотянуть» русское слово до какого-нибудь иностранного и «вывести» его из другого языка. Отыскиваются аналогии, которые бездоказательно объявляются генетической связью *всегда* (курсив автора. — М. К.) не в пользу русского языка.

В этом современные языковеды следуют за Максом Фасмером, а его «Этимологический словарь русского языка» для них до сих пор — библия и «наше всё».

* Тен Виктор. Историко-этимологический словарь русского языка. Тома I—IV. — СПб.: МЕРА, 2020—2023.

Труд этот ненаучен не только в деталях, но и в главном своем посыле — идеологическом, априорном. Поясним для тех, кто впервые слышит о большом ученом: Фасмер родился в Петербурге и русский язык знал как второй, после революции эмигрировал, работал в Германии и США, но наиболее продуктивный период его деятельности, увенчавшийся созданием вышеупомянутого словаря, пришелся на годы Второй мировой войны. Тогда он возглавлял институт и работал под непосредственным руководством другого филолога — Геббельса, а материалы для трудов черпал в... концлагерях, из опроса русских и других славянских узников.

Об аргументах Фасмера Виктор Тен очень точно пишет, что они «поражают расистской наглостью», и приводит один из таковых:

Культуры в Висло-Одерском междуречье, которые археологи считают славянскими, не могут быть славянскими, т. к. слишком развиты для славян.

Понятно, что никаких собственно исследовательских задач перед Фасмером и не стояло. Выводы были определены заранее, следовало лишь создать видимость серьезной, монументальной научной работы. До сих пор некоторые из наших лингвистов объясняют свою приверженность фасмеровскому словарю тем, что «у него большой словник». Доктор Геббельс знал, что неправ Насреддин, утверждавший: «Сколько ни кричи “Халва!”, во рту слаще не станет». Именно многократное повторение используется мастерами идеологических зачисток.

Об объеме словника словаря Макса Фасмера лучше всего говорит приводимый Виктором Теном факт: слова «мельница» в нем нет, зато есть слово «бейзехалеймус». Словарная статья к последнему радует глубиной, лаконизмом и академической точностью: от еврейского «бейзехалеймус»...

Давно уже осуждена нацистская доктрина, но новые хозяева мирового медиапространства рачительны и не стали выплескивать с водой ребенка. Многие идеи, рожденные сумрачным германским гением накануне мировых войн, дезавуированы лишь избирательно и продолжают использоваться применительно к России. Вот почему дело Макса Фасмера живет стараниями теперь уже российских лингвистов, которые знают: отклонившийся от генерального метода будет отторгнут мировым ученым сообществом, каналы публикаций перекроют и так далее.

Если ты не можешь найти нужную тебе книгу, если все труды по избранной теме неудовлетворительны, выход один — написать такую книгу самому. Так и решил Виктор Тен. Оцените грандиозность замысла: создать предстояло *словарь*. Институты работают над подобными задачами годами и десятилетиями. Поражаешься воле и бескомпромиссности автора. Вышло уже четыре тома, до буквы «З» включительно.

В. В. Тен — по образованию историк, археолог, работал в экспедициях, автор многих книг. Предмет его изучения в последние годы — ментальная сфера древнего человека, то, собственно говоря, что и делает нас людьми. На этом пути не обойтись без привлечения лингвистики во всех ее аспектах.

С точки зрения представителей академических институтов, он — дилетант или даже «народный» этимолог. Поясним, что так именуют излишне увлеченных, но недостаточно подготовленных людей, способных на основе одного-двух созвучий выстроить целую концепцию.

Понятно желание ученых дистанцироваться от последних. Однако Виктор Тен справедливо подмечает черты сходства в методах работы тех и других:

...«Вырывание» — типичный прием маргинальных «народных» этимологов с одной лишь разницей: «народные» этимологи цепляются за слово своего языка и неоправданно обобщают, пытаясь возвысить свой язык. <...> Русские академические маргиналы, наоборот, принижают русский язык, делая [неоправданные] обобщения на базе иноязычных корней...

Словом, мы имеем лишь «народных» и «антинародных» этимологов. Науки как таковой за ними не просматривается. Поэтому как читатель я предпочту работу Тена. По меньшей мере буду уверен, что он в своих поисках не упустит простейший — хронологический принцип. Согласитесь, приступая к рассмотрению версий о происхождении термина «бочка», полезно узнать, что слово это содержится в русской летописи X (прописью: десятого!) века. Также не перешагнет он через законы языка, хорошо зная, какие замены звуков естественны для его развития, а какие искусственно навязываются при подгонке под ответ. Также в своих гипотезах он будет основываться на праксеологии, палеопсихологии. А самое главное — на логике и здравом смысле. С последними у фасмеристов совсем туго. (Примеров тому в словаре огромное множество, но особенно рекомендую ознакомиться с историей о фасмеровско-крыловской Гатчине из третьего тома: «кафедра́льный идиотизм», как называет это явление Тен, в незамутненном виде.)

Возвращаясь к словарной статье «Бочка» — она читается как фрагмент хорошего исторического романа! Ясная, практически очевидная версия о происхождении слова дополняется сведениями о том, какое значение имела эта деревянная тара для развития торговли в далекие времена. Соглашусь, моральная цена приоритета здесь очень велика.

А вот статью «Буква» я уподоблю детективу. В ней разоблачается фальшивка, обретшая статус общего места. История этого подлога совсем недавняя, потому и автора, можно сказать, схватили за руку, однако дело было сделано. Буковые дощечки, на которых якобы писали древние германцы, у многих перед глазами как живые. Только вот нет ни одного материального свидетельства их существования. Кстати, «буква» встречается в русских летописях уже в XI веке, и попробуйте вычислить период, когда обитатели европейских лесов, хотя бы и буковых, могли поделиться этим словом с жителями Гардарики.

Словари в принципе не предназначены для чтения подряд, это удавалось только деду Щукарю. Но все тома словаря Тена — именно увлекательное чтение, а не просто справочник. Именно потому, что, по Тену, этимология — наука междисциплинарная. Она «тянет за собой» много самого разнообразного познавательного материала. Почти по Высоцкому: открою на любой странице — и не могу, читаю до конца.

Чем еще привлекателен текст Виктора Тена? Темпераментом настоящего исследователя. Блестящий полемист, он во всю мощь включает свою иронию при встрече с глупостью, халтурой, намеренным обманом. Но более всего не приемлет отсутствия настоящего научного интереса, некритического повторения общих мест, отбывания повинности «от сих до сих».

Ортега-и-Гассет в начале XX в. провозгласил наступление эры «новых дикарей», которыми являются «узкие специалисты» с профессорскими дипломами. Они полны апломба, но на самом деле они наивные

дикари, ибо нельзя быть узким специалистом и одновременно ученым, это несовместимо. Подавляющее большинство публикаций в научных изданиях гуманитарного профиля — наукообразные, искусственно усложненные по языку компиляции от «узких специалистов», не имеющие никакого смысла. Узкий специалист — это деталь «наукоделательного» конвейера...

И в другом месте:

Мы с узкими специалистами по русскому языку не только на разных языках говорим, но и среди разных народов живем. Они почему-то позволяют себе недопустимо высокомерное, презрительное отношение к народу, язык которого изучают, как будто это не их родной народ, а некие чужие сумасшедшие. <...> Узкие специалисты уверяют, что слово *верблюд* появилось, потому что русские попутали это животное со слоном; слово *слон* появилось, потому что русские попутали это животное со львом; слово *боров* — потому что попутали свинью с коровой; слово *дуб* — потому что попутали дуб с елью; слово *дыня* — потому что попутали дыню с айвой, слово *голубь* — потому что попутали вначале голубя с лебедем, а потом голубой цвет с желтым (см. *верблюд, боров, дуб, дыня, голубь*).

И напротив, подлинную благодарность испытывает В. Тен к подвижникам, а не службистам. Прежде всего к В. И. Далю и И. И. Срезневскому. Последний известен мало, но он составил «великий» (словами Тена) труд: «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». К сожалению, книга в последний раз переиздавалась больше века назад.

В. И. Даль восхищает Виктора Тена абсолютным языковым чутьем. При том что словарь его толковый, а не этимологический, Владимир Иванович нередко высказывал замечательно точные и глубокие соображения о происхождении слов.

Кому-то покажется, что питерский историк, археолог, кандидат философских наук, при всем своем универсализме и широте знаний, — все же типичный чужак-одиночка, сражающийся с ветряными мельницами. Это не так и психологически, и по результату. Конечно, тома словаря издаются катастрофически малым тиражом: 200—300 экземпляров. Но идеи запущены в научный оборот. Жизнь, пробивающаяся на выжженных площадках, всегда заметна.

Следует отметить, что четвертому тому «Историко-этимологического словаря русского языка» предпослано предисловие члена-корреспондента Российской академии образования А. П. Валицкой. Наверное, можно рассматривать это как начало признания трудов Виктора Тена академической средой.

В заключение приведу еще одну цитату из В. Тена:

Скажу о своем словаре то же, что Владимир Иванович Даль сказал о своем: «Писал его не учитель, не наставник, не тот, кто знает дело лучше других, а кто более многих над ним трудился; ученик, собиравший весь век свой по крупице то, что слышал от учителя своего, живого русского языка».